

фантастическая
история

МОСКВА, 2013

фантастическая
история

Александр Конторович
Реконструктор

€ ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛЬФА-КНИГА

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
К64

Конторович А. С.

К64 Реконструктор: Фантастический роман.— М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2013. — 312 с.: ил.— (Фантастическая История).

ISBN 978-5-9922-1433-8

Молодые парни в форме времен войны, реконструкторы... Что заставляет их надевать форму противника? Желание поиграть в войнушку? Или подсознательная тяга переиграть уже произошедшие события? У каждого из них есть на это свои причины...

Но что делать, если чужая форма вдруг внезапно становится своей? И по-немецки говорят твои товарищи и сослуживцы? И ты, вчерашний рядовой россиянин, сегодня становишься солдатом рейха?

Теперь только от тебя самого зависит, каким путем идти. Память ничего не подскажет, и только твое сердце, сердце солдата, может указать тебе правильную дорогу... Дорогу к дому, который ты себе выберешь. И этот выбор будет единственным — ничего другого тебе не дано.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Конторович А. С., 2013
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2013

ISBN 978-5-9922-1433-8

ОПЕРАТИВНАЯ СВОДКА за 13 октября 1942 г.

Вечернее сообщение

В течение 13 октября на фронтах никаких изменений не произошло.

В районе Сталинграда наши войска вернули оставленные накануне позиции в одном из кварталов города. На других участках происходила артиллерийская и минометная перестрелка. Огнем нашей артиллерии уничтожено 3 немецких танка, 3 артиллерийские и 16 минометных батарей противника, разрушено 10 дзотов и истреблено до роты немецкой пехоты.

Северо-западнее Сталинграда наши войска продолжали оборонять прежние рубежи и на отдельных участках вели разведку. Гвардейцы Н-ской части атаковали передний край обороны противника, несколько потеснили немцев и уничтожили противотанковое орудие, 16 пулеметов, минометную батарею и 8 автомашин с военным грузом. Группа разведчиков во главе с заместителем командира роты по политической части тов. Куликом обнаружила на одной высоте хорошо замаскированные дзоты противника. Двое смельчаков незаметно пробрались к одному из дзотов и забросали его гранатами. Находившиеся там румыны в панике стали выбегать из укреплений. Наши разведчики открыли огонь и истребили 20 вражеских солдат...

— Хорош ржать и блудодействовать, жеребцы стоялые! — Марк постучал магазином от автомата по стоящей перед ним каске. — И это — элита вермахта, доблестные белокурые бестии! Тьфу! Фюрер удавился бы с тоски на кривой осине, разок взглянув на ваши бессовестные рожи!

Ответом ему был дружный хохот. Но увещевания командира свой эффект все-таки возымели. Народ прекратил болтовню и уселся на свои места.

— Спасибо! — язвительно ухмыльнулся Марк. — Господи, и за что ты наградил меня такой головной болью — командовать сборищем этих неадекватов? Посмотри на них — разве они похожи на взрослых и разумных мужчин?

Обращенный к потолку палатки вопрос остался без ответа — по-видимому, Всевышнему несколько приелись ритуальные стенания командира отряда «Гренадеры». Благо они повторялись достаточно часто и по одному и тому же поводу.

Все это сборище одинаково одетых парней являлось военно-историческим клубом «Гренадер». В разное время года и в самых разнообразных местах они занимались воссозданием различных эпизодов давно прошедшей войны. Клуб реконструировал взвод пятой роты 405-го гренадерского полка 121-го пехотной дивизии вермахта. На этом поприще они трудились уже давно и заслуженно считались неслабыми специалистами в данной области. В мирной жизни парни были совсем разными людьми и работали в совершенно обычных, абсолютно невоенных отраслях. Разве что некоторые из них когда-то служили в армии и во всяких правоохранительных конторах. Но и то — в подавляющем большинстве своем в прошлом. Теперь уже у многих был свой собственный бизнес, изматывающая работа и прочие сопутствующие «радости». И нечастые вылазки всей компанией за город на подобные побегушки-пострелялки для многих являлись совершенно необходимой отдушиной от повседневных тягот. Оппонентами в их нелегком деле были весьма уважаемые в данной тусовке сотоварищи. Сегодня таковым «противником» был «Московский драгунский полк» — клуб старый и с историей. Они сегодня «воевали» за РККА¹. А «Гренадеры», в соответствии со своей специализацией, — за вермахт. Просто в свое вре-

¹ Рабоче-Крестьянская Красная Армия, она же Красная армия — наименование, которое носили Вооруженные Силы РСФСР/СССР с 23 февраля 1918 по 26 февраля 1946 г. Позже — Советская армия.

мя неожиданно оказалось, что за немцев никому воевать неохота. Доходило до парадоксов, когда из разных окопов перестреливались одинаково одетые красноармейцы. Долго так, естественно, продолжаться не могло. И в какой-то момент некоторые клубы начали переодеваться под вермахт. Так появились и мы.

— Итак, господа хорошие, коли вы снизошли до меня своим вниманием, позволю себе еще раз остановиться на нашей сегодняшней задаче. — Командир поднялся и подошел к висевшей на подставке карте. — Что мы знаем об этом дне тысяча девятьсот сорок второго года? Нет, в сводке Информбюро перечислялись, конечно, всевозможные интересные случаи и даже отдельные бои... но не на этом участке фронта. Данное место особого внимания не удостоилось. Если в утренней сводке Ленфронт еще хоть как-то упоминался, то вот в вечерней — увы... не было тут ничего. Про Моздок есть, про Сталинград — это уж само собою, имеется. Разве что...

Марк повернулся к столу и взял с него лист бумаги.

— «На одном из участков Западного фронта немцы атаковали позиции наших подразделений. Советские бойцы отбили атаки противника и уничтожили до четырехсот немецких солдат и офицеров. Захвачены танк, шесть пулеметов, винтовки и боеприпасы...» Не про нас? Нет? И я так думаю... Но!

Он поднял вверх палец и сделал серьезное лицо.

— Наше сотрудничество с поисковиками приносит полезные плоды! Я не имею в виду тот фрицевский хабар и мелочовку, кою вы бессовестно у них выме... выманиваете! Нет! О прошлом годе... — сбился командир на старомодную речь. — Тьфу! Вот приелось-то!

В обычной жизни Марк — Олег Степанович Марченко — трудился на «Ленфильме» режиссером-постановщиком трюков. И в настоящий момент работал над картиной о царской России. Там, видать, подобных словечек и нахватался.

— Короче! — Его палец ткнулся в карту. — Вот здесь, около мостика, развернулось самое настоящее побоище!

Причем, что интересно, оно именно тринадцатого октября и происходило!

— Нашли запись в Твиттере, датированную этим днем? — Валька Леонидов, одетый в форму ефрейтора, удивленно приподнял левую бровь.

— Увы... Интернета тогда не случилось поблизости... — вздохнул Олег. — А вот недописанное донесение командира взвода лейтенанта Литвинова — нашли. И даже прочитать сумели — это уж криминалистам отдельный поклон! И по нему выходит, что буча тут случилась изрядная! Взвод этот в полном составе — все четырнадцать человек — занимал оборону у мостика и на той высотке. И что любопытно! Атаковал их как раз Четыреста пятый гренадерский полк!

— Во как?! — не выдержал Леонидов. — В натуре?!

— Крест на пузе! И даже более того! Как раз пятая рота! Как вам это?

Реконструкторы загудели. Про бой многие в принципе знали. Но такие вот подробности...

— Врешь, поди... для красного словца! — скептически откликаюсь на эти слова.

Я тут в авторитете, один из «отцов-основателей» клуба, и Марк становится серьезен.

— Нет, Макс. Я не шучу. Поисковики подняли несколько фрицевских жетонов, и мои знакомые пробили их через посольство. Это действительно гренадеры Четыреста пятого полка. Нам даже сообщили их имена. — Он лезет в сумку и вытаскивает сложенные листы бумаги. — Вот, смотри! Лейтенант Карл Морт, заместитель командира роты, обер-фельдфебель Вилли Мойс, стрелки Ойген Клаус, Герберт Мойзен, Ханс Кепке. Согласно полученным сведениям, все они проходили службу именно в этом полку.

Ребята прекращают шутки, и в палатке наступает тишина. Одно дело — реконструировать каких-то абстрактных бойцов какого-то полка, воевавших некогда в этих местах. И совсем другое — понимать, что именно на этом поле, где мы собираемся завтра устроить потешный бой, они лежат прямо под нашими ногами. Понятное дело, что обладателей жетонов поисковики уже похоронили и конкретно их сейчас на

поле нет. Но есть и другие, которых они не нашли. Как-то не по себе стало всем. Парни молча переглядываются.

— Это... Может, перенесем? Ну... в смысле в сторону куда-нибудь отойдем? — Это белобрысый Игорь Попов. Его так и кличут — «белокурая бестия».

— Ага, щас! — фыркает Марк. — Нам разрешение подписано именно на это поле. Да и полиция взбухнет моментом, если мы хотя бы на километр в сторону отойдем. Им дай только повод...

Ребята вновь молчат и чешут затылки. Командир прав, неприятностей с полицией мы можем огрести буквально на пустом месте. Все хорошо помнят, какие сложности возникли у нас по поводу использования оружия. Одно время его выдавали в аренду на «Ленфильме». Разумеется, не боевое, а специальное, стреляющее только холостыми патронами. Денег за это брали очень даже не по-божески. Но мы терпели — охота, как говорится, пуще неволи. Потом там сменилось руководство, и выдачу оружия иначе как на съемки запретили безоговорочно. Народ начал искать обходные пути. Бегали даже с ММГ¹, но быстро прекратили. Купить официальным образом оружие, подобное киношному, оказалось совершенно безнадежной затеей. МВД приходило в священный ужас при одной только мысли о том, что у человека, легально владеющего вполне серьезным огнестрельным оружием (нарезным и гладкоствольным охотничьим), вдруг появится на руках подобный «потешный» девайс. Никакие доводы рассудка на них не действовали просто в принципе. Вот и пришлось всем нам, даже тем, у кого легальный нарезняк имелся, озаботиться еще и покупкой аутентичных страйкбольных винтовок. Даже автоматы с пулеметами заменили на их электромеханические копии.

Полиция привычно напряглась в поисках новых препон. Надо сказать, искать их долго не пришлось — опыт имелся. В Ростове ухитрились пришить уголовную статью страйкболисту с силуминовой копией АКСУ. Мол, изготовлен сей агрегат с использованием частей реального оружия, вот так! И пофиг, что оружие из жести не делают, — похоже

¹ Макеты массогабаритные стрелкового и холодного оружия.

ведь! Металл? Металл... а какой — не суть важно. Пожалте бриться! И только вмешательство одного из членов команды, трудившегося помощником прокурора, позволило развалить это наспех состряпанное дело. Полиция унывала недолго и уже через пару месяцев привлекла к ответственности сразу двоих — за изготовление имитационных гранат на основе промышленных петард (продающихся в любом магазине) и обыкновенного гороха. Успешно: изделия признали самодельными взрывными устройствами, и парням впяли по году условно. А их тренировки попытались выставить как подготовку потенциальных террористов. Здесь, правда, не повезло... Но бравые эмвэдэшники не отчаивались. Отныне любое наше собрание в форме и с игрушечными винтовками легко подводилось под соответствующую уголовную статью. Благо их в кодексе хватало... Было бы болото, а черти напрыгают.

И тогда наш хитрый командир предпринял еще один гениальный ход: мы дружно постучались в ворота киностудии — как организованная массовка для съемки постановочных боев. Теперь мы проводили свои выезды как репетиции боевых эпизодов к каким-либо сценариям. Чего-чего, а такого добра на киностудии — море разлитое. На утверждение в МВД предоставляли выписку из конкретного сценария с подробной росписью всего хода мероприятия. Приезжали даже операторы, снимавшие нас с самых разных ракурсов. Смех смехом, а парочку фрагментов из наших пострелушек действительно включили в какие-то фильмы. И теперь мы совершенно серьезно кивали на данные картины в каждом удобном случае. Аргумент действительно получился неплохой. И хотя мы все понимали, что хитрые киношники таким образом нехило наварили на нас бабла, никакого возмущения это не вызывало. Хрен с ними, зато отмазка неплохая.

Но вот именно теперь данное обстоятельство встало нам боком. Ладно, мы и драгуны совершенно без проблем могли бы протопать несколько верст, чтобы уйти с данного места. Но вот киношники со своей аппаратурой с насиженного и оборудованного вчера места точно никуда не уйдут. Имен-

но сегодня им приспичило снять парочку характерных эпизодов. Пробежки там всякие, переползания под огнем и прочую хренотень. Так что обломать их мы никак не могли. А глазастые полицейские такой несостык моментально просекут. Неспроста их машина торчит тут с самого утра. И тогда легенде капец. Да и с киностудией мы разойдемся капитально...

— Нет, мужики, — хмуро ответил Марк. — С этого места нам никуда уйти не дадут. Для эмвэдэшников этот аргумент вообще пустой звук. Да и для операторской группы... Так что вопрос стоит таким образом: либо мы отменяем все вообще и попадаем на деньги плюс испорченные отношения с киностудией, либо по максимуму отодвигаем всю баталию к краю поля, чтобы обойти те места, где поисковики кого-то обнаружили. Таким образом мы уйдем в сторону от того места, где происходил настоящий бой. Никто в тех местах не погибал, и никого там в земле нет. Захоронения поисковики производили в трех километрах отсюда, так что по могилам ползать не будем, не волнуйтесь. Да и, кроме того, не забывайте, что на данное мероприятие с нами впервые выехали ленфильмовские пиротехники. А уж им-то свои бабахалки ни в каком другом месте жажнуть просто не разрешат. Всем все понятно?

Ребята слегка оживляются и кивают. Такой вариант всех устраивает гораздо больше.

— Слышь, Марк, — подаю я голос, — а ты с поисковиками разговаривал? Чего они сказали — что тут за бой был? Кто с кем бодался, это мы знаем. А чем закончилось все?

— Гренадеры наступали с той стороны, — машет рукой командир. — Мост им нужен был. Тут кругом местность хреновая, болотистая, технике пройти негде. А мост крепенький вполне. Даже и тогда прочным был, танк вполне выдерживал. Взвод Литвинова этот мост оборонял. А немцы его с ходу сбить попытались. Сразу этот фокус не прошел. Они в самом начале потеряли около десятка человек и откатились назад. Вот у этой рощицы гренадеры поставили минометы. Там поисковики подняли целую кучу пустых ящиков и прочий соответствующий хабар. А когда минометчики прижали обороняющихся к земле, немцы поднялись в

атаку. На этой высотке и произошло основное бодалово. Более точно мы не знаем, но моста немцы все-таки не взяли. Почему-то они отошли на исходные позиции. Мост взяли только через два дня, когда подошли танки. Кто держал оборону на позициях Литвинова, неизвестно. Может, там вообще уже никого не осталось. Собственно, вот и все. Давайте реконструировать бой, исходя из имеющихся сведений. И свою голову припряжем, куда ж без этого! Минометный налет нам организуют пиротехники, это их епархия. Драгуны займут позиции РККА, а мы соответственно будем наступать. Постараемся это сделать лучше, нежели гранадеры Четыреста пятого полка. Имейте в виду: посредники будут суровые, помимо наших еще и из Москвы ребята прикатили. Это парни грамотные, их на кривой козе не обскачешь. Так что головы прятать и задниц не высовывать.

Подобная диспозиция ничего нового в себе не таила. Недаром наши мероприятия иногда язвительно называют «войнами ползунов». Правила у нас жесткие: чуть приподнял башку — противник стреляет. И если посредник сочтет, что ты находился в зоне поражения, — все, будь любезен топтать в «мертвяк». Страйкболистам и пейнтболистам все-таки проще: там хоть что-то летает и попадание фиксируется визуально и по наличию синяков. А у нас все отдано на откуп посредникам. Мужики это суровые, бывшие вояки, и судят со своей точки зрения. Ежели он считает, что в подобной ситуации стрелок с обычной винтовкой может поразить за шесть секунд троих противников, то так и скажет. И спорить с ним без толку. Все помнят случай, когда посредник уже после боя в ответ на подобную претензию попросил у меня карабин. Благо я всегда вожу с собой свой нарезняк с патронами, и все об этом знают. А он у меня, на зависть всем прочим, не новодел, а вполне себе настоящий Кар-98 выпуска аж одна тысяча девятьсот тридцать девятого года. Купил я его в комиссионке, и прежний хозяин, судя по всему, обращался с ним бережно. Машинка была как новая.

Так вот, получив от меня оружие, посредник загнал в магазин три патрона, поставил карабин на предохранитель и

приткнул его к древесному стволу. Отойдя чуток в сторонку, он расставил на траве три полена и вернулся назад.

— Смотрите сюда... — Сергеич вскинул к плечу карабин.

К-р-р-р...

Выстрелы протрещали почти короткой очередью, мы даже не уловили момента, когда он перезаряжал оружие. Сбитые пулями поленца попадали на траву, а посредник повернулся к нам.

— Сколько? — кивнул он Алексу, державшему в руках мобильник.

— Пять целых семь десятых секунды, — проговорил потрясенный Алекс. — Ни фиги ж себе!

— Это я еще старый, — хмыкнул стрелок, — да обстановка сейчас спокойная, не в бою, чай. А в настоящем-то деле люди еще и не такие фокусы показывают.

Надо сказать, подобная демонстрация меня впечатлила очень даже основательно. Нет, я и сам не лопух в плане пострелять. И в армии среди отстающих не числился, да и потом... тоже приходилось иногда постреливать. Жизнь — она штука такая, никогда не знаешь, какое из твоих умений ко двору придется. Так что стрелком я прослыл неплохим, что позволяло мне иногда небрежно этим щегольнуть. Особенно на девушек такое умение действовало впечатляюще. Но вот показать подобное умение — не светило однозначно. Ничего подобного я не только не видывал, но даже и не слыхивал. Поэтому, прихватив из своих запасов бутылку хорошего коньяка, я через полчаса дипломатично постучал ею о колышек палатки, в которой разместились московские посредники. Надо думать, подобный тембр звучания был уже неплохо им известен, ибо из палатки тотчас же высунулось сразу три головы.

— Вечерний звон? — осведомилась одна из них.

— Он самый!

— Тогда заходи!

Словом, уже наутро я бегал и прыгал по сырой траве, на ходу передергивая затвор карабина. А невыспавшийся с утра Сергеич меланхолично грыз семечки, иногда вставляя ехидные комментарии относительно моих способностей:

— Руку неправильно держишь! Не в сторону затвор тяни, а ладонь к цевью прижимай! Пусть она у тебя вдоль винтовки скользит, тогда увод от цели минимальный будет. И стволом не маши, это не коса. Нет, косить им в принципе можно... только не траву и не таким образом.

Он сплюнул шелуху и поднялся с пенька.

— Дай-ка сюда.

Оружие в его руках странным образом как бы прилипло к ладоням и стало их продолжением. Мой учитель плавно повернулся на месте, присаживаясь на корточки, и непостижимым образом вдруг съехал куда-то вбок. При этом черный зрачок ствола неотрывно смотрел мне куда-то в район переносицы. Сергеич сделал кувырок вперед и внезапно нырнул в какую-то ложбинку. Сухо шелкнул боек. Откровенно говоря, вдоль моей спины проскользнула холодная струйка. Я отчетливо представил себе, что оружие у него в руках вполне боевое и за эти несколько секунд меня бы убили, по меньшей мере, пять раз. Никакие прошлые навыки и умения ничем мне в данной ситуации не помогли: тело просто не успевало реагировать на стремительно меняющуюся обстановку. Всему, абсолютно всему теперь придется учиться заново!

— Ну вот где-то так... — приподнялся из травы посредник. — Это я еще форму подрастерял...

— Фига себе — подрастерял! Это ж каким ты головорезом-то был?

— Да обычным, разве что не шибко ленивым, — невозмутимо пожал плечами мой собеседник. — Наука в принципе несложная, было бы желание.

Желание было. Имелась и возможность. Поэтому мы с ним встречались достаточно часто, тем более что мужиком он оказался общительным и интересным. Было о чем поговорить и что послушать. За два года я узнал и услышал весьма много интересного, о чем раньше слыхивал только краем уха. Кое-чему даже и научился. Жалко, что времени было мало, да и поездки из Питера в Москву тоже случались не так часто, как хотелось бы.

Надо сказать, учеба моя даром не прошла: даже на наших пострелушках я теперь был нечастым гостем в «мертвяке».

Да и вопросов по поводу того, подстрелил я оппонента или нет, тоже стало возникать существенно меньше. Как правило, стрелял я теперь с более короткого расстояния, и поэтому никаких сомнений у посредников больше не возникало. Да и патронов стал расходовать меньше. Не то чтобы мне их было жалко — денег-то хватало. Просто я приучился не стрелять попусту. Моим личным рекордом стало одно из мероприятий, которое мы делали на каком-то празднике. Шесть патронов — и пятеро пораженных противников. На окружающих это произвело неслабое впечатление. На меня — тоже. Впрочем, все это уже в прошлом. Теперь мы стреляем пластиковыми шариками, и попадания вполне видны и ощутимы. Правда, антураж сильно поубавился, это да... Но посредники остались. У них и без того работы хватало. На сто и даже на пятьдесят метров наши винтовки не стреляют. Тем более — на бóльшую дистанцию. Здесь епархия посредников — они определяют пораженных.

Прибывшие на совещание драгуны наш план одобрили, благо на новом месте им даже копать особенно не пришлось: местность и так оказалась изрыта всевозможными ямками и канавками. Осталось только подсыпать брустверы — и вот тебе готовая позиция. Прихватив лопаты, москвичи дружно потопали к новому месту. А следом за ними, навьюченные снаряжением, поперлись недовольные пиротехники. Больше всех возмущались, как это ни странно, кинооператоры. Казалось бы, какого хрена? Камеры им на руках не тащить, машины спокойно подъедут чуть не к самому месту «боя». А вот поди ж ты! Чудна душа человеческая!

— Попрыгали!

Марк собран и серьезен и совсем не напоминает прежнего добродушного собеседника. Неужели форма так меняет человека? На плечах у него погоны обер-лейтенанта, на голове фуражка. Подлинная, не новодел. Редкость вообще-то, обычно у нас большинство предметов новодельные, хотя и очень аккуратно изготовленные. По подлинным образцам.

Такой формой у нас могут похвастаться лишь немногие. В основном «старики». Только у них, как правило, все сна-

ряжение правильное, за немалые бабки изготовленное. Впрочем, деньги тут не самое главное. Не каждому такая аутентичность нужна, это уж от человека зависит. Вот у меня, например, почти вся форма, кроме каски, на первый взгляд — родной вермахт. Даже бритвенные лезвия и спички — и то подлинные, немецкие. Хоть и вполне современные.

Вот мы и прыгаем, показывая командиру тщательность подгонки амуниции. Нет никакого зубоскальства, шуточек и подколов. Почему-то в этот момент все становятся серьезными. Глядя на нас, совершенно невозможно предположить, что под серыми шинелями скрываются обыкновенные парни: менеджеры, директора и даже бухгалтеры. А вон Витька в обычной жизни — вообще учитель пения. Правда, не в школе, а существенно повыше. И где бы вы думали? В патриархии! Он регентов учит! И на службе выглядит вполне благообразным мужиком. А как шинель наденет и каску — все, сливай воду, отпетый головорез!

Нормально все подогнули, только некоторые мелочи устранить пришлось. Построили нас в колонну по два и погнали на рубеж атаки. На пригорке виднелись зеленые каски драгун — те уже обживали свои позиции.

Навстречу нам выбрался из ямки непроспавшийся пиротехник и матерно завернул колонну вправо.

— У меня там!.. Заряды установлены! А вы как беременные... собираетесь так напролом и топать! Оторвет кому яйца — с кого спрос будет?

Неча делать, сворачиваем в сторону, обходя этот участок поля. Заряды у этих ребят... словом, серьезно все. Так что все эксперименты по сокращению пути — на фиг!

Потеряв двадцать минут, выходим на рубеж. М-да... Скользко тут. И грязно! Опять на брюхе ползти?

Марк сумрачно смотрит по сторонам. Невесело это все... Впрочем, через пару минут его лицо светлеет.

— Макс! Иди сюда!

Поднимаюсь к нему наверх.

— Слушай, вот ту горушку видишь?

— Наблюдаю.

— Ежели на нее вылезти, то позиции драгун будут видны сверху.

— И?

— По сценарию у нас по одному минометному налету, так? Один у нас и один у противника.

— Так.

— А процент попадания как определяется?

— Как всегда. Посредник кубик кинет. Попал — не попал. Ежели попал, то второй бросок — каков процент потерь.

— Верно! А при наличии корректировщика?

— Первый бросок не производится. Сразу на процент потерь кидать будет.

— Во! Ты нас и будешь корректировать! Сможешь ведь туда проползти незаметно?

Вопрос, конечно, интересный... Ну надо думать, проползу. А как корректировать? По телефону? Аппарат и катушку с собой тащить? Но на этот вопрос ответ у командира уже имеется.

— Ракетами! Между тобой и драгунами — ручей, народ к тебе не пошлют. В смысле — много не пошлют, берег там крутоват, не подойти. Да и сверху ты их перещелкать можешь, как куропаток.

Идем советоваться к посреднику, и он с ходу зарубает эту идею:

— Дальность он тоже ракетой обозначит? И количество мин в залпе? Хороший фейерверк будет, посмотрю...

Хм! Все-таки катушку и аппарат придется туда тащить... Угу, только сначала в лагерь сгонять: у нас тут всего два аппарата, и они нужны в бою.

Посредник кивает:

— До начала боя еще двадцать минут. Успеешь туда-сюда обернуться, не вопрос! Иначе — заход через «мертвяк».

Ага, через два часа! Нет уж, я лучше пробегусь...

Посредник (тоже из москвичей — Димка Гаишник) указывает мне точку:

— Добежишь туда — в игре. Опоздаешь...

— Сам знаю!

И, только отбежав сотню метров, врубаюсь... Винтовка! Так и осталась стоять в козлах у подножия пригорка.

Блин! И что делать-то? Безоружного на поле не выпустят! Штык — не аргумент (особенно пластиковый).

Но делать нечего, бегу. И на ходу прикидываю всякие варианты. Стрелять мне нынче не светит. Половину боя (а то и больше) так на пригорке с телефоном и просижу. Пока Марк не скомандует налет. А когда он его скомандует? Тогда, когда гранадеры подойдут к позициям противника на один рывок. По нашим реалиям — метров на полста... или даже ближе. Чтобы сразу после налета ребята рванули бы вперед, воспользовавшись потерями противника. Сколько-то человек они вынесут ружейно-пулеметным «огнем». Немного, двоих-троих... в час по чайной ложке. Спасибо родному МВД — «гранат» у нас больше нет. Изделие из новогодней петарды, сердечника от рулона туалетной бумаги и гороха признано СВУ¹. Со всеми вытекающими последствиями. Кои любовно прописаны в Уголовном кодексе. Что уж тогда про наши аутентичные копии М-24 и РГД-33 говорить? Небось пойдут наравне с ядерным оружием! Здравствуй, Республика Коми, край вечнозеленых помидоров!

Так что сидеть мне на этой горке...

Но сидеть положено вооруженному!

Впрочем, хитрая задумка у меня есть. Заменять оружие перед боем (да и в ходе него) разрешено. И запасные винтовки есть. Ага, в машинах у хозяев заперты...

У меня тоже. Только это не шариковая игрушка, а Кар-98. Так и что? Стрелять-то я не буду — незачем! И нечем — патроны только настоящие, финские. А по телефону попрошу Марка — пусть и забытый мною ствол принесут. А кто-нибудь из «мертвецов» захватит в лагерь и карабин... Чего там лишние двести метров протопать? Не рассохнется небось...

Вот и лагерь!

Быстро проскакиваю к палатке со снаряжением и подхватываю телефон и катушку с кабелем. Отлично! Это сде-

¹ Самодельное взрывное устройство.

лано! На ходу примастыривая все это добро за спину, бегу к своей машине. Багажник... Выдергиваю из чехла карабин и забрасываю его на плечо. Крышку багажника закрыть, ключи в карман шинели.

Взгляд на часы — у меня старый добрый карманный «Мозер». Действительно старый: корпус местами сильно потерт и поцарапан. Но часы идут! И достаточно точно. Да и большой циферблат иногда очень полезен — ночью неплохо его видно.

А времени-то мало! Всего несколько минут осталось.

Куды бечь?

К командиру на точку — не успею.

Непосредственно на место корректировщика? А провод кто тянуть будет? Марк пришлет кого-нибудь... а я займу эту точку, у драгунов хватит соображаловки отправить туда парочку бойцов. Просто для того, чтобы прикрыть этот фланг. Сообразят, они парни хваткие. А вот через ручей им перебираться будет кисло — специально на горке помаячу, пусть думают: сколько нас там? И стрелять мне не придется: они в таком разе поопасаются кого-то посылать на убой. Разве что десятком человек рванут... так я и в таком раскладе своим помогу! Как ни крути, а этот десяток драгуны с основной позиции снимут — нашим легче будет. При любом варианте — хоть минометный обстрел, хоть штурм этого пригорка, — а десять человек из окопов уйдут. Не дурак Марк, соображает! Не просто так он меня сюда загнал. Да и верно: на кого ж ему положиться, кроме как на «стариков»? Мы бухтеть не станем, мол, пострелять не дали...

Под ногами мелькают какие-то кочки, кустики — бегу. Нет, скорее даже — несусь! Ага, как навьюченный ишак... Телефон, катушка эта долбаная, карабин — все это дружно молотит меня по спине. Блин, как с этим во время войны бегали? Так еще и ползали, между прочим!

Мне вот во время службы так не довелось — и слава богу! Даже рацию не таскал. Пулемет — приходилось. Короткое время числился первым номером. Недолго, но хватило, чтобы возненавидеть эту железяку от всей души. Тяжелый, падал... Поэтому я не разделяю восторгов наших пулеметчиков. Оно понятно, МГ — штука мощная и внушает. Но

гораздо тяжелее ПКМ. Нет уж, побуду обычным стрелком. Да и привык я уже к карабину, каждую его деталь на ощупь знаю. Поэтому, когда беру в руки шариковую винтовку, первое время чувствую разочарование. Глаза-то одно подсказывают, а руки — совсем другое помнят. И так не только здесь...

К своим тридцати годам мне пришлось перепробовать множество самых разных профессий. До армии год вкалывал автослесарем. Грязновато, но с бабками. Но, попав в армию, моментально просек одну избитую истину. В воскресенье личный состав отдыхает, а водила — в наряде! На фиг! И о своей специальности тактично умолчал. Не факт, что поступил правильно, ибо попал в мотострелки. Полгода нас терзали в учебке, а потом, внезапно и без всяких предисловий, пихнули в Дагестан. Там, как всегда, была радиолампочка. Какая? Да все та же — же-ноль-пэ-а. Очередные боевики, которые там берутся неведомо откуда, азартно перестреливались с очередными правоохранителями. Вот последних туда, также традиционно, нагнали со всей страны. Квалификацию повышать или как?

Не знаю...

Но нашей квалификации хватило ровно на один бой. Мы выехали для смены караула на каком-то блокпосту, и уже через пару километров нашу колонну накрыли плотным огнем из ближайших кустов. Ума хватило, побросав все вещи в кузове, перемахнуть через борта и залечь около дороги. Когда затихла перестрелка, нас, ошестинившихся в какой-то яме незаряженными автоматами, отыскал старлей из «вованов». Отчего незаряженными? Так расстреляли все... в белый свет, как в копеечку. На мой взгляд — так совершенно напрасно.

Осмотрев наше воинство, старлей сдвинул на затылок «Сферу» и спросил: «А штыки зачем пристегнули?»

— Так патронов же нет, товарищ старший лейтенант... — ответил ему кто-то из ребят.

— Почему?

— Кончились...

— Так... Штыки — снять! Где командир?

— Где-то там... — ткнул я рукой в сторону грузовика, осевшего на пробитых скатах.

— Там? А почему не здесь?

— Не знаю. Мы в разные стороны повыскакивали. Он — туда, а мы здесь оказались.

— Понятно! Боец, — ткнул он пальцем в сторону Женьки Запашного, — дуй за командиром!

«Вован» присел на корточки и вытащил из «трехдневника» несколько пачек патронов.

— Поделить поровну! Оружие зарядить и переводчик поставить на одиночные! Выполнять!

А когда появился наш командир, старлей за локоток отвел его в сторону и о чем-то долго беседовал. Уж и не знаю, что он там ему сказал, но за нас взялись основательно... и очень скоро. Так что оставшееся до дембеля время пролетело... в общем, быстро прошло.

А уже на гражданке я долго не мог найти себе применения. Именно из-за полученных в Дагестане привычек и повадок. Сунулся было в МВД, но быстро просек, что это не моя тема. Работал охранником, водителем. Даже годик покатался по загранрейсам. Тоже не зря — существенно подтянул свой немецкий. И это, кстати говоря, внезапно сдвинуло меня совсем в другую степь. Вспомнив свои автослесарские навыки и пригласив парочку друзей, начали мы гонять тачки из Германии. Подержанные... так где ж на новые-то денег взять? Чинили, перепродавали... Понемногу окрепли, встали на ноги и начали нагуливать жирок. Из вчерашнего Максимки я стал Максимом Андреевичем Красовским. Секретаршу завел... м-да! И однажды утром, выбравшись из ее постели, с ужасом обнаружив у себя брюшко, рванул на природу — заниматься экстремальным туризмом. Заодно — и экстремальным вождением. А потом пришел к Марку.

Блин, ракета! Минутная готовность!

Черт, не успеваю!

А-а-а, плевать! Рвану по прямой — иначе никак!

— Михалыч! — Оператор поднес к уху телефонную трубку. — Уснул, старый пьяница?

— Уснешь тут... — недовольно пробурчал пиротехник. —
Чего тебе?

— Слушай сюда! У нас кадр хороший получается! Солнце как раз над холмом приподнялось. Представляешь, если на его фоне взрывы пойдут?!

— Угум... — Прижав телефон плечом, пиротехник нарезал колбасу на бутерброд. — Ну пойдут, куда ж они денутся-то?

— Так я о чем! У тебя в поле зарядов сколько стоит?

— Четыре.

— Запускай!

— Ты ж их на атаку планировал использовать!

— Так еще поставим! Запас-то есть?

— Есть...

— Давай! Я камеру включаю — и секунд через двадцать поднимай!

— Так не начали же еще!

— Вот им вместо ракеты и просигналим!

Скорее!

Ложбинка впереди — не перепрыгну, придется низом пробегать. А лучше — спрыгну! И на тот берег вон там выскочу.

Прыжок!

Ствол карабина и голова бегущего скрылись за невысоким откосом.

— Так... — Михалыч еще раз бросил взгляд влево — на поле уже никого не было. — Ага, смотался куда-то, злодей!

Щелчок!

Загорелись красным цветом светодиоды: «Сеть под напряжением».

— Ну с Богом!

Щелкнул пакетник на пульте.

Вспыхнули рубиновые огоньки: «Подрыв заряда».

Откос быстро-быстро убегает назад. Точнее, он-то на месте, это я вперед ломлюсь что твой лось.

Вешка?

И висящие на ней провода?

А что это за цилиндр около нее?

Цепочка разрывов красиво прорисовалась на фоне солнечного диска. А вот один из них прозвучал особенно громко, вымахнув к небу солидный столб земли, подсвеченный изнутри багровым пламенем. Оператор только крикнул от удовольствия: эффектный кадр!

РАПОРТ

начальнику ... отделения полиции
подполковнику полиции тов. *Нефедову А.П.*

Докладываю вам, что сегодня, 12 октября 2016 года, при проведении киносъемок в районе дер. Гайтолово произошел подрыв неустановленного взрывного устройства большой мощности.

Прибывшими на место специалистами МЧС установлено, что взрыв имитационного пиротехнического заряда привел к срабатыванию штатного боеприпаса времен ВОВ. Проведенными поисками обнаружено еще несколько таких боеприпасов — артиллерийских снарядов и авиабомб, расположенных на поле перед рекой. Найдены остатки минно-взрывной цепи, соединявшей обнаруженные заряды. Со слов специалистов МЧС, минно-взрывная сеть имеет многочисленные повреждения, в результате которых взорвался только один боеприпас, в непосредственной близости от которого был установлен пиротехниками «Ленфильма» имитационный заряд.

Съемки мною были остановлены, люди эвакуированы в безопасное место. Специалисты приступили к поиску и обезвреживанию боеприпасов.

Место огорожено, выставлено оцепление.

В результате взрыва пропал без вести гр. Красовский Максим Андреевич, 1984 г. р. Проведенными поисками его тело обнаружено не было.

Участковый уполномоченный ... отдела полиции
лейтенант полиции *Миклованов В. Ю.*

Дым...

И что-то хрустит в голове.

Отчего меня так шатает? Я иду... нет... меня несут. Куда?
Ничего не понимаю...

— Was ist damit, Heinrich?¹

— Bombardierung. Verwundet, Schrapnellwunden an beiden
beinen und der linken Schulter. Glück noch...²

— Bringt ihn in die zweite Kammer³.

Ага, во вторую палату. Попал под бомбежку, ранения —
это обо мне? Контужен тоже я?

А кто я?

Что-то скачет в голове. Отрывками и какими-то кусоч-
ками. Вижу человека в форме. Погоны — офицер? Да,
обер-лейтенант. Откуда я это помню? Рука, передергиваю-
щая затвор, — это карабин Кар-98. Значит, я помню такие
подробности?

«...Руку неправильно держишь! Не в сторону затвор
тяги, а ладонь к цевью прижимай! Пусть она у тебя вдоль
винтовки скользит, тогда увод от цели минимальный будет.
И стволом не маши, это не коса...»

А это откуда?

Не помню...

Перед глазами что-то белое. Несколько минут тупо пя-
люсь туда и только потом соображаю — потолок! Стало
быть, если повернуть голову, то увижу стену? Попробуем...

Да, стена тут имеется. И потолок не очень-то высокий.
А из стены торчат какие-то деревяшки. Это... черт, не по-
мню, как это называется.

— Oh! Erholt?⁴

— Nicht wirklich...⁵ — срывается у меня с языка. Да, я
пришел (приполз?) в себя. Хотя и не уверен в этом оконча-
тельно.

¹ И что тут, Генрих? (нем.)

² Бомбардировка. Ранен, шрапнелью в обе ноги и в левое плечо. Счастье
еще... (нем.)

³ Нести его во вторую палату (нем.).

⁴ О! Очнулся? (нем.)

⁵ Не факт... (нем.)

В поле зрения появляется мужик в белом халате. Лет сорок. На носу очки в круглой оправе.

— Ihnen sagen?¹

Могу ли я говорить? Ну... отвечал же только что?

— Ja... Was ist passiert?²

Хорошо бы узнать, что же стряслось, наконец?

— Ihr Kolonne kam unter eine Bombe. Du hast Glück, erwischte einfach!³

Ага, под бомбы мы попали. Мы — это кто? Легко отделался? Ну это еще как сказать — ног и рук не чувствую совсем. Пробую пошевелить пальцами правой руки — есть!левой... опа, в плечо отдается! Стало быть, туда прилетело. Ноги — тут хуже, болят обе. Не ходок...

— Hetzen Sie nicht, Grenadier! Herr Gott gab dir das Leben, nicht in Sie haben es verloren, fallen aus dem Bett!⁴

Нет, спешить я не собираюсь, тут дядька прав. И падать с кровати тоже не хочу. Вполне разделяю оптимизм собеседника относительно Всевышнего и не собираюсь его разочаровывать. Кого? Да их обоих! И Господа Бога, и своего собеседника.

— Gut! Hinlegen und an Stärke gewinnen! Ich werde dir den Hauptarzt berichten!⁵

Ладно, лежать так лежать. Последую совету и стану набираться сил. А там и главный врач удостоит меня своим визитом...

Но сей уважаемый дядя, судя по всему, был занят и навестить меня не спешил. Вместо этого в палату подселили еще двоих пациентов, благо в сознание я пришел и полного покоя больше не требовалось. Комнатка оказалась не большой, а то впихнули бы и четвертого.

¹ Можете говорить? (нем.)

² Да... Что произошло? (нем.)

³ Ваша колонна попала под бомбы. Твое счастье — тебя просто задело! (нем.)

⁴ Не спеши, гренадер! Господь Бог оставил тебе жизнь не для того, чтобы ты потерял ее, упав с кровати! (нем.)

⁵ Хорошо! Лежать и набираться сил! А я буду отчитываться перед главврачом (нем.).

Одним из подселенных оказался говорливый башенный стрелок-танкист Вилли Баум. Он так представился сразу, стоило санитарам затащить его носилки в палату.

— Hallo, Kameraden! Ich bin Pech Willi!¹

— Warum Mann?²

— Im zwei Jahre Dienst bin ich ins Krankenhaus zu dritten mal?..³

Хм, надо же — Невезучий Вилли! За два года загреметь в госпиталь трижды — тут кто угодно станет в затылке чесать... понимаю этого парня.

Первый раз его придавило танком при погрузке — лопнул трос, и тяжелая машина качнулась вбок. Итог — месяц на больничной койке.

Второй раз повезло совсем уж невероятно — снаряд пробил броню и отправил на тот свет почти весь экипаж. Посчастливилось только Бауму — получил ранение в ногу.

И в этот раз он отделался от костлявой просто чудом — успел выбраться из горящего танка, оставив за спиной троих покойников. Слегка обгорел — ноги, малость оглох, но жизнерадостности не утратил.

Беседуя с ним, я все время пытался вспомнить хоть что-нибудь о себе. Безрезультатно. Окружающие говорили, что в моей речи слышен баварский диалект. Я не спорил — им виднее, они-то памяти не теряли. Первое время я говорил мало, с трудом подбирая слова, потом освоился, голова заработала лучше. Так что больше не приходилось напрягать голову, подыскивая нужное.

По моей просьбе санитар принес форму, в которой меня нашли. Точнее — ее остатки. Брюки превратились в рваные тряпки еще при перевязке. Оставались китель и шинель. Принесли китель. Перебирая в руках зажигалку, складной саперный резак (отчего-то я знал, что это именно он) и прочие немудрящие предметы, я силился натолкнуть себя на воспоминания. Окружающие были уверены в том, что я солдат, точнее, гренадер. Что это значило в моем положении, неизвестно. Осторожно расспрашивая санитаров, я узнал, что меня вместе с двумя десятками таких же пострадав-

¹ Привет, друзья! Я — Невезучий Вилли! (нем.)

² Почему Невезучий? (нем.)

³ Да чтобы за два года службы третий раз загреметь в больницу?.. (нем.)

ших привезли с какой-то железнодорожной станции. На нее совершили налет бомбардировщики красных и перемешали там с землей около батальона пехоты и с десятков танков. Меня обнаружили около воронки и поначалу собирались оттащить к похоронной команде. Однако вовремя оживший «покойник» что-то прохрипел, и унтер-офицер, командовавший спасательными работами, распорядился отнести ожившего к медикам.

И теперь я лежу на узкой больничной койке и ломаю голову над своим прошлым.

Третий обитатель нашей палаты появился в ней на второй день, к вечеру. Уже немолодой, в годах, дядька, он был ранен в ногу во время обстрела колонны какими-то бандитами из кустов. Гюнтер Шульц (так звали этого третьего) прошел уже три войны, а ранен был впервые. Услышав об этом, Баум совсем расстроился:

— Везет же людям! — Он с досадой отвернулся к стене.

— Не переживай! — успокоил я его. — Наоборот, ты у нас везучий — кто сказал обратное? Тебя ранило уже трижды — и каждый раз незначительно! Посуди сам! Много ли шансов уцелеть под сорвавшимся танком? А взрыв снаряда внутри машины — это ли не чудо? Ты же уцелел, в то время как все прочие погибли! Так ведь?

Речь моя стала уже вполне связной, и окружающим больше не приходилось напрягать голову, пытаясь меня понять.

— Ты так думаешь, Макс?

— Да ты спроси кого угодно!

Меня уже зовут Максом, это имя — пока единственное, что всплыло из глубин моей уснувшей памяти...

Впрочем, и на нашей улице случился праздник — так долго ожидаемый главврач наконец-то снизошел до посещения нашей палаты.

Штабсарцт Магнус Фогель оказался худощавым пожилым человеком с неприязненным выражением на холеном лице. Хотя, если верить рассказам санитаров, специалистом он был превосходным. Что называется — от Бога! Но, глядя на него, в эти рассказы не очень-то верилось...

Покровительственно похлопав по плечу старину Шульца (которого он сам и оперировал), штабсарцт мимоходом осмотрел Баума и остановился перед моей кроватью. Не оборачиваясь, он протянул назад руку и взял у сопровождавшего врача историю моей болезни.

— Так... что у нас тут имеется? Физическое состояние — хорошее, выздоровление идет нормально, даже чуть быстрее ожидаемого. Это что у нас тут? Понятно... характер полученных ранений на пригодность к дальнейшему прохождению службы не повлияет... так! Тяжелая контузия, вызванная близким разрывом авиабомбы, угу... Обрывочные воспоминания, бред... отзывается на имя Макс... Макс?

— Яволь, герр штабсарцт!

— Значит, имя ты все-таки вспомнил? Что еще?

— Больше ничего, герр штабсарцт!

— Поттише, мы не на плацу, и я не твой ротный офицер. Что ты еще помнишь, сынок?

— Девушек вспоминаю, герр штабсарцт. Еще товарищей иногда, машины всякие — я их чинил...

— Ну девушки — это понятно! Кого ж еще вспоминать солдату? А вот твои друзья — какие они?

— Они... тоже солдаты, герр штабсарцт. Командир поручил нам что-то выкопать... и мы спорили по этому поводу... Там еще вода была, наверное, река? Окоп стало заливать водой... Не помню ничего больше.

— Хм! Физически ты вполне нормален, и в иной ситуации я бы уже через пару недель любого другого солдата направил на выписку. Но память! Как ты будешь воевать?

— Как и все, герр штабсарцт!

— Не сомневаюсь. И все же... Лойзeman! — поворачивается он к лечащему врачу. — Ваше мнение?

— Он быстро идет на поправку, герр штабсарцт. Но в подобном состоянии направить его на фронт — нецелесообразно, мы не можем предположить, как он себя там поведет. С вашего позволения, герр штабсарцт, я пригласил на консультацию оберарцта Киршбеера — он признанный специалист в подобных случаях.

— Разумно, Лойзeman! Одобряю ваше решение! А... Макса разрешаю использовать в работах по госпиталю —

его физическое состояние вполне допускает небольшие нагрузки. Да и нахождение среди людей будет способствовать его психическому равновесию. Как, гренадер, — смотрит на меня главврач, — что ты скажешь на это?

— Я чрезвычайно признателен вам, герр штабсарцт! Мои товарищи по палате, конечно, помогают мне, как могут, но, может быть, разговоры с другими камадами действительно помогут вспомнить что-то еще?

Штабсарцт покровительственно похлопал меня по плечу:

— Твои раны мы вылечим, а доктор Киршбеер поможет вспомнить прошлое. Ну а во всем остальном, Макс, положимся на Всевышнего — он не оставит нас своей милостью!

После ухода главврача с сопровождающими Вилли завистливо причмокнул губами:

— Везет же некоторым!

— Ты о чем это? — непонимающе гляжу на него.

— Работа по госпиталю — это усиленная кормежка! Вместе с медперсоналом! Им даже настоящий кофе положен! И дополнительные сигареты!

— А-а-а... кофе — это, конечно, хорошо, но ведь я не курю...

— А мы? Или ты забудешь своих товарищей?

— О чем ты говоришь?! — возмущаюсь я.

Действительно, положенные мне сигареты я отдаю им, а они за это тоже не остаются в долгу и помогают мне как-то вспоминать те события и факты, которые, по их мнению, я просто обязан знать. Да и много чего другого, в моем положении весьма полезного, они мне тщательно растолковывают и объясняют.

Слова у главврача с делом не расходятся, и уже на следующий день я топаю вместе с другими счастливыми на станцию — встречать эшелон. Нас пятеро. Четверо солдат и санитар, который командует всей группой. Одного из своих попутчиков я уже знаю — это словоохотливый и неунывающий Ханс Циммерман, зенитчик. Его тоже контузило бомбой, аккуратно в тот же самый день, что и меня. Вот только выздоровление у него идет куда быстрее, осколки бомб обошли Ханса стороной. Не за горами тот день, когда его выпи-

шут в часть. Он сторожил в нашей команде, по-дружески шутит с санитаром и чувствует себя превосходно. Еще одного своего сокомандника приходилось встречать на перевязках. Это прямая противоположность Циммерману — крепко сбитый Франц Кегель отличается редкой молчаливостью. Рослый, на полголовы выше любого из нас, и невероятно сильный (я видел, как он в одиночку, плечом, выталкивал из лужи застрявшую легковушку), он обычно не участвует в наших разговорах, а молча сидит в сторонке. Что-то у него на душе такое есть... Его слегка побаиваются и стараются не задевать своими шутками. Даже наши записные остряки не рискуют оттачивать свои язычки на молчаливом баварце. Четвертого солдата я не знаю. Он впервые появился на построении, молча выслушал пояснения санитаря и, не говоря ни слова, пристроился позади меня. То же, видать, молчун...

Задание у нас сегодня простое. Ближе к обеду должен подойти поезд, на котором нам (то есть госпиталю) привезут медикаменты и продовольствие. Все это нужно перегрузить в автомашину, после чего мы можем топтать восвояси. Собственно говоря, это даже не наше дело — чего-то там грузить. Но Ханс, который всегда в курсе происходящего, рассказал нам, что последнее время в прибывающем грузе постоянно чего-то не хватает. То бинтов, то нескольких упаковок с лекарствами... Не исключено, что их уворовывают где-то по дороге. Но вполне может быть, что и на станции.

— Вагоны охраняет местная полиция, — сплевывая окурок в сторону, говорит Циммерман. — Те еще субъекты, я бы их и за свиньями ходить не приставил. Глаза вороватые, морды угодливые... мусор!

— Так отчего же им доверяют? — искренне удивляюсь я. — Поставить наших солдат — и все! Не станут же они красть у своих товарищей!

— Хм... Ну... это еще как сказать... Все равно — их нет! Людей мало, фронт загребает всех! Вот и приходится нам доверять этой сволочи...

Отправляясь на станцию, мы имели все шансы опоздать к обеду. Но не слишком на этот счет переживали. Здесь была своя кухня, и наши команды обычно подкармливали.

И весьма недурственно! Еще бы — через станцию шло множество грузов, в том числе и продовольствие. Поэтому здешняя кухня была весьма неплохой. Но, помимо этого, нам все-таки выдали и паек, положенный по такому случаю. Не бог весть что, консервы, но и это пришлось очень кстати — их можно сменять на курево. По правде говоря, меня эта перспектива не воодушевляла: сигарет в запасе и так хватало, но... от голода я пока не страдал. А курево являлось неплохим подспорьем в любой беседе.

Вопрос с погрузкой продовольствия решили быстро. Пяток сигарет — и железнодорожники помогли нам перекидать ящики и бочки в кузов грузовика. Фыркнув на прощание дымом из выхлопной трубы, машина укатила в госпиталь. Теперь — ждать. Пока она доедет, выгрузит продовольствие — а тут уже и обед! Раньше чем через два-три часа она назад не придет. И очень неплохо! Ибо медикаменты занимали в кузове гораздо меньше места, и мы вполне могли рассчитывать на то, что назад поедем как приличные люди — на машине! Так жить можно! Настроение у всех приподнялось, и даже молчаливый Кегель выдал из себя по этому поводу пару слов.

Воодушевленные этим, мы бодро направились к вагону с медикаментами — надо было прикинуть фронт будущих работ. Вагон этот стоял на отшибе, и требовалось решить — подойдет ли туда грузовик? Или вагон надо будет перегнать поближе к погрузочной платформе? За оставшееся время эту задачу вполне можно было решить. По пути от нас откололся Циммерман с санитаром — пошли менять консервы на сигареты. Они тут почти что старожилы: Ханс служил именно здесь и знает каждую дыру. Оттого и все обменные операции происходят в его присутствии — так выходит гораздо быстрее и выгоднее.

Старшим в нашей тройке остался Кегель. Пройдя по путям, мы подходим к вагону. Он здесь не один, рядышком стоят еще несколько. Неподалеку от них прохаживается какой-то местный в черном пальто и с винтовкой на плече. На руке у него белая повязка. Ага, так это, стало быть, и есть местная полиция? Нн-да... видок у него... прав был Ханс, такому типу — и свиарник доверить? Да ни за что!

Франц молча указывает ему рукой в сторону, и тот послушно отходит от вагонов. М-да... знают тут старину Кегеля! И, надо полагать, с самой серьезной стороны.

Беглый осмотр подтверждает самые неутешительные прогнозы: машина сюда не пройдет! А таскать груз вручную — мы все-таки выздоравливающие, а не наказанные за проступки штрафники!

— Магнус! — поворачивается Франц к третьему нашему спутнику. — Нужен паровоз.

— На станции их нет, — лаконично откликается тот.

— Тогда пусть этот охранник пригонит сюда пару десятков человек из местных — они оттолкнут вагон поближе к разгрузочной платформе.

— И где он их возьмет?

— Не мое дело. Отыщет где-нибудь...

Магнус пожимает плечами и идет за полицейским. Как и что он там ему объясняет, неизвестно. Но спустя пару минут они оба направляются к станционным зданиям — договорились.

Здоровяк молча показывает мне рукой на скамейку — надо полагать, на ней раньше сидел караульный. Присаживаемся, нам спешить пока некуда. Кегель вытаскивает сигареты и закуривает. А я достаю из кармана галеты — не сидеть же просто так!

Тихо...

Даже не верится, что где-то там, совсем недалеко, сейчас идет война. Грохочут разрывы, и падают на землю наши товарищи. Мы не говорим о ней, эта тема — негласное табу в наших беседах. Обсуждаем все — дом, знакомых девушек и чьих-то жен. Собак и кошек. Делимся планами на будущую жизнь и прикидываем, какой она станет после войны. Но никто не рассказывает о том, что ждет его в окопах. Да и мне тоже как-то не по себе от мысли, что очень скоро наши вечерние разговоры будут вспоминаться как что-то совсем невероятное. Спокойные разговоры в дружеском кругу, где нет нужды прятать голову от пуль вражеского снайпера. Не нужно торопливо задувать зажигалку, опасаясь зорких глаз чужого артиллерийского наблюдателя. Мы и о русских не говорим. Никто не хочет вспоминать рукопашных схваток

и блеска ножа перед глазами, когда в твой окоп ночью прокрадутся их разведчики. Ложась спать, мы раздеваемся и вешаем форму на спинку кровати — на фронте такая роскошь просто немыслима. Мы просто живем — живем каждым этим днем...

Но все же действительность постоянно прорывается к нам. Когда привозят новых раненых и санитары тащат их на носилках в дом. От них несет порохом и кровью, и лежащие на них люди в бреду еще отбивают вражескую контратаку. Когда появляются над нами чужие самолеты и мы слышим лай зенитных пушек неподалеку. А после этого со станции привозят новых раненых. Иногда, помогая санитарам разбирать вещи вновь прибывших, мы обнаруживаем в них застрявшие осколки. Для их сбора у нас на складе стоит железный таз, и порою он бывает заполнен почти на треть или наполовину. Война напоминает о себе каждый день. Я плохо помню свои воспоминания, в них только хриплые, плохо различимые команды и выстрелы — много выстрелов. Мы постоянно куда-то бежим, иногда едем, — но все как в тумане. Совсем не помню артподготовки — странно: все ребята вспоминают русскую артиллерию самым недобрым словом. А вот мины запомнились. Собственно говоря, не сами они, а то, как мы постоянно смотрели под ноги, опасаясь неприятных сюрпризов. Товарищи говорят, что русские — большие мастера по этой части, им верить нельзя! Можно ожидать любой неприятности. Рассказывают, что иногда по непонятным причинам взлетают на воздух дома, мосты и различные объекты: в них, оказывается, заложили мины с часовым механизмом! Кто знает, может быть, и под нашим домом сейчас тикает адская машина?

Металлический лягз!

Мы с Францем одновременно поворачиваем головы на звук. Это наш вагон, тот, что с медикаментами. Именно его охранял полицейский. И именно оттуда прилетел звук — кто-то что-то уронил...

Поднимаемся на ноги — это надо проверить! Оружия у нас нет, его не выдают выздоравливающим, но пудовые кулаки Кегеля — весомый аргумент! А я подбираю с земли увесистую палку: ею тоже можно врезать по первое число.

Мой товарищ машет рукой и указывает направо: там утоптанная тропинка. По ней можно подойти близко и при этом без большого шума. Крадучись, обходим вагон.

Так и есть!

Небольшое окошко в стенке сейчас приоткрыто, и оттуда слышна какая-то возня. Хм, но кто туда залез? Окошко-то очень небольшое!

Прячемся за углом вагона и осторожно выглядываем за угол.

Долго ожидать не пришлось: внутри завозились, и из окошка появились ноги в стоптанных сапогах — вор вылезал наружу.

Франц внезапно подпрыгивает и одним рывком выдергивает обладателя сапог на улицу. Как морковку из грядки!

Плюх!

Во все стороны летят щепки и пыль — вор врезается в кучу каких-то старых досок. Ну и ну! Вот это бросок!

Впрочем, ничего удивительного здесь нет, воришка весьма невысок ростом. Да это же мальчишка! То-то он в окно пролез... Падение его слегка оглушает, и он беспомощно ворочается на земле, пытаясь прийти в себя. Наклоняюсь и поднимаю с земли упаковку бинтов — он выронил ее, когда летел по воздуху.

— Смотри, — говорю я товарищу, — наши бинты! Вот кто их таскал!

Кегель берет их у меня из руки и присаживается на корточки перед лежащим. Паренек с испугом на него смотрит. Ну еще бы! Франц и в хорошем-то настроении выглядит пугающе, а уж сейчас...

— Кто ты? — Кегель с интересом разглядывает мальчишку. — И зачем тебе бинты?

Тот молчит, только его глаза затравленно бегают вокруг. А ведь он влип! За такие вещи... в общем, я ему не завидую.

Не меняя положения, Франц выбрасывает вперед руку.

Хлоп!

И от основательной затрешины с головы парня слетает кепка.

— Ну?

— Я... мне есть нечего...